

гресс с достаточно неопределенной верой в Бога, конфессиональным предпочтением православия, но большой симпатией и к другим религиям, в том числе к совсем далекому от православия буддизму и индуизму. Особо большую роль в нем играют квази- и паранаучные мифологемы (вера в астрологию, «похищение биоэнергии» и т.п.), что вполне естественно, ибо само это мировоззрение квазинаучно и квазирелигиозно.

И хотя трудно напрямую связать многообразную политическую жизнь общества с религиозными воззрениями его граждан, эта связь существует. Она, в частности, заключается в том, что от политического режима, установленного в государстве, зависит и степень религиозной свободы в обществе. Государственно-конфессиональные отношения очень чутко реагируют на любые коррективы в экономической модели, которые способны значительно изменить их сущность, особенно свертыwanie многоукладности, товарно-денежного обмена, ведущих к ограничению прав и свобод граждан. И наоборот, в условиях развития рыночных отношений меняется и характер государственно-конфессиональных отношений: они становятся более разноплановыми и равноправными.

Список цитированных источников

1. Круглова, Г.А. Политика и религия // Вестник БГУ. – Сер. 3. – 2003. – № 2.
2. Богословский, Е.Е. Конфессиональная безопасность как элемент стабильности и развития государства // Государственность на Беларуси: генезис и перспективы. – Брест, 2002.
3. Журавский, А. Генезис и формы постсоветского атеизма в России / «Русский Архипелаг» (Сетевой проект «Русского Мира») [Элек. ресурс] – Режим доступа: http://www.archipelag.ru/ru_mir/religio/novie-identichnosti/atheism/postsovetsky-ateism/ – Дата доступа: 13.03.2011.
4. Амиров, С. Эволюция религиозного сознания в условиях политического и экономического кризиса // Развитие личности. – 2004 – № 2.

ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ

Кучмаева О.В., Петрякова О.Л.

*Лаборатория проблем жизнедеятельности семьи и семейной политики ИСВ РАО,
г. Москва, Россия*

Внимание к процессам трансформации института семьи со стороны общества обусловлено, прежде всего, неудовлетворительным выполнением семьей своих функций, среди которых ведущее место занимают репродуктивная, экономическая и воспитательная. В Российской Федерации, как и в других европейских странах, происходит не только трансформация семьи (переход от законных браков к так называемым «гражданским бракам», от пожизненных браков – к частой смене брачных партнеров, от семей с обоими родными родителями – к семьям с матерью и отчимом и т.д.), но и выход значительной части взрослого населения за пределы семейной жизни вообще. Под воздействием исторических изменений в отношениях между социальными институтами в обществе происходит трансформация роли социального института семьи в общественной жизни.

В современной семье происходит ослабление экономической функции, главным в ней становится психологическая атмосфера, личностное взаимодействие супругов. Такая семья в зарубежной социологии получила различные названия: «брачная», «товарищеская», «партнерская» семья. В российской социологии формирующаяся новая семья называется «супружеской». Это семья, в которой основная ось отношений определяется не родством и родительством, а брачностью, с неременной акцентацией личных аспектов. Одновременно диверсифицируются формы семейных отношений, в

некоторых странах Европы и Северной Америки легализованы однополые браки, причем нетрадиционные семьи получают тот же объем юридических прав, что и традиционные, в том числе и право усыновления детей.

Распространенность сожительства до (или вместо) законного брака, частая смена партнеров, типичное для сожителей откладывание рождений первенцев, нередко переходящее в решение никогда не иметь детей – тенденции последнего времени. Приравнивать сожительство к законному браку проблематично [1], но если даже сделать это, то и тогда огромная часть взрослого населения России (более трети мужчин и примерно половина женщин в возрастах от 15 лет и старше) не может считаться состоящей в браке [2]. По данным исследования, проведенного Центром по изучению проблем народонаселения МГУ, обязательным для себя вступление в брак считает меньше половины респондентов. При этом юноши и мальчики в меньшей степени ориентированы на вступление в брак [3, с.66].

Результатом изменений в поведении современной семьи явился отказ от рождения детей, о чем свидетельствует динамика репродуктивных установок населения за последние 20 лет, допустимость добровольной бездетности. В частности, опрос студентов петербургских вузов показал, что семья остается для них привлекательной ценностью, но связывать себя браком молодежь не спешит. Девушки планируют замужество в 25 лет – после достижения «независимого и стабильного положения в обществе», юноши еще позже. Бездетными видят себя 5,8% опрошенных; одного ребенка планируют иметь 24,4%, двух – 58,1%, трех – 9,4%, четырех и более – 2,3% [4, С. 115–123]. Следует подчеркнуть, что репродуктивные ориентации молодежи тяготеют к малодетной семье и далеки от того, что ими же считается допустимым.

В контексте происходящих изменений важным представляется рассмотрение ценности модели семьи в глазах подрастающих поколений. Анализ результатов исследований, ориентированных на выявление системы жизненных ценностей, места семьи в ней показал, что ориентация на личную независимость выступает как главная альтернатива собственно семейным ценностям. Предпочтение необязательного дружеского общения обязательным внутрисемейным и родственным контактам – лишь одно из направлений этой ориентации. Судя по тенденциям эволюции семейной структуры населения, эта ориентация усиливается. Ориентация на семейные ценности выражается и в более высоких репродуктивных установках, и в степени их реализации.

Там, где преобладают семейные ориентации, где место детей в системе ценностных ориентаций является относительно высоким, где их ценность в глазах индивида перевешивает ценность работы, достатка, профессиональной занятости, карьеры и т. п., там одни и те же по существу условия жизни воспринимаются более оптимистично, лучше, чем они есть на самом деле. И напротив, где относительно преобладают внесемейные ориентации, типичнее более пессимистическая, заниженная оценка одинаковых на деле условий [5, С.171].

Социологические исследования демонстрируют, что в настоящее время семья занимает ведущее место среди основных жизненных ценностей молодых россиян наряду с такой ценностью, как создание материального достатка. Но предпочтение отдается семье с одним ребенком (или даже без детей), основанной, прежде всего, на любви и взаимопонимании супругов, не всегда – на зарегистрированном браке, и создание которой откладывается на «потом», по достижению полной социальной и экономической зрелости.

Формирование образа семьи в глазах формирующейся личности происходит под воздействием совокупности внешних и внутренних (воспитательные стратегии, система ценностей родителей, взаимоотношения в семье) по отношению к самой семье факторов. Ценность семьи в системе ценностей человека не остается неизменной.

Иерархия ценностей меняется вместе с изменением общественных отношений. Еще в 1970 г. Л. Е. Дарский писал по этому поводу: «Сознание данного поколения, комплекс его взглядов отражает не сегодняшние, сиюминутные условия существования, а весь опыт жизни данного поколения или, быть может, весь прошлый опыт, серьезно скорректированный опытом данного поколения в период его формирования» [6, С. 213].

На формирование образа своей будущей семьи, которое происходит достаточно рано, влияет образ родительской семьи [7, С. 108]. В период социализации ребенка в процессе воспитания в семье закладываются основы его представлений о будущей семье, о том, сколько детей вообще «нормально» или «лучше всего» иметь в семье. Для количественного формирования этих представлений имеет значение размер и тип семьи, в которой развивается ребенок. Имеет значение и то, сколько детей в других семьях ближайшего окружения ребенка, имеющих в его глазах положительный авторитет. На систему ценностей человека оказывают влияние те социальные группы, в которых ему приходится жить [8, с. 73].

В юности происходит формирование репродуктивных идеалов, т. е. представлений об идеальном числе детей или представлений о репродуктивных нормах детности. По мере взросления человека его представления о наилучшем числе детей в семье приобретают все более конкретный, личный характер. Формируются практические компоненты репродуктивной установки, складывается представление о желаемом числе детей.

В 80-ые годы в ходе исследования «Дети в городской семье» (опрашивались одновременно оба супруга в семьях, где имелось 1-2 ребенка, а возраст жены не превышал 35 лет), которое проводилось в Москве, Саратове и Уфе группой ученых отдела демографии ИСИ АН СССР под руководством В.А. Борисова, выяснилось, что чем сильнее было выражено преобладание семейных ценностей, тем выше были показатели ожидаемого числа детей: они возрастали в зависимости от степени ориентации на семейные ценности у мужчин с 1,83 до 2,04, у женщин – с 1,54 до 1,91 [9]. Для современной молодежи, сформировавшейся в условиях малодетности и системы либеральных ценностей, характерны низкие репродуктивные установки. Имеет место существенное уменьшение репродуктивных ориентаций у детей по сравнению с родителями. Так, среднее ожидаемое число детей у отцов составило 2,29, а у сыновей – 1,85, у матерей – 2,32, у дочерей – 1,92 [10].

Социальные мотивы определяются тем значением, которое придается наличию детей и определенному числу их в той референтной группе, к которой причисляет себя семья. Иначе говоря, социальные мотивы деторождения отражают потребность в своем репродуктивном поведении соответствовать принятым в их референтной группе социальным нормам детности. В современной России практически нет референтных групп, приветствующих высокую рождаемость.

Система семейного воспитания претерпевает значительные изменения. На процесс воспитания оказывают влияние ряд факторов. Так, урбанизация общества усилила анонимность общения детей и взрослых, особенно в крупных городах [11]. Способность соседского общения служить фактором социального контроля семейных отношений за последние десятилетия в значительной степени утратилась [12, с. 111; 13, с. 145]. Важный социально-психологический аспект – постепенное увеличение в обществе доли людей, выросших в малодетных семьях. Эти люди, вероятно, отличаются психологически от тех, которые выросли среди братьев и сестер, поскольку в зависимости от числа детей в семье различаются условия для приобретения детьми навыков общения в коллективе. Можно предположить, что статистическое большинство выросших в малодетных семьях не пожелают стать родителями нескольких детей. Как показывают исследования, женихи и невесты из малодетных семей, в особенно-

сти однодетных, в несколько раз меньше ориентированы на среднедетные семьи, чем выходцы из семей с 3 и более детьми.

Каждая новая брачная когорта открывает семейный цикл жизни, имея сформированный в процессе социализации средний уровень потребности в детях. Длительное блокирование установок детности отдельных брачных когорт и возрастных поколений, связанное с неполной реализацией первоначального уровня потребности в детях, приводит к возникновению в следующих когортах и поколениях новой потребности в детях, уровень которой снижен до того числа детей, что соответствует частично или не полностью реализованной потребности. В настоящее время среди индустриально развитых стран не найти ни одной, где бы происходило повышение интенсивности рождаемости в новых поколениях по сравнению с родительским. Чтобы выросла рождаемость завтра, надо сегодня повысить значимость фамилистических ценностей, которые в качестве ориентационных критериев позволят новым брачным когортам оценить имеющиеся условия жизни как приемлемые для рождения нескольких детей. При этом премии за подобающее репродуктивное поведение будут способствовать благоприятной оценке рождения и воспитания нескольких детей.

Пока же складывается следующая ситуация: как общество не поддерживает семейные ценности, так и внутри самой семьи меняются воспитательные стратегии в сторону ориентации на личный успех.

Участников опроса ФОМ в 2004 г. (Всероссийский опрос городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон) попросили ответить, какие качества родители стремились в них воспитать. Оказалось, что в выборе качеств, которые, по словам респондентов, их родители стремились в них воспитать, возрастные группы опрошенных значимо различаются. Чем моложе респонденты, тем реже, говоря о качествах, которые хотели воспитать в них родители, они называют традиционалистские ценности, и чаще – модернистские. Так, доля отмечающих значение такой черты, как трудолюбие, увеличивается с 36% среди лиц в возрасте до 24 лет до 66% среди лиц старше 65 лет, бережливость – с 25% до 42%. Наряду с этим, доля респондентов, при воспитании которых родители уделяли внимание самостоятельности и независимости, снижается от 24% в самой молодой из рассматриваемых групп до 13% среди лиц старше 65 лет, активность и целеустремленность – от 15% до 5%, любознательность – от 12% до 5%, воля, характер – от 27% до 12% [14].

Смена ценностных ориентиров ведет к смене воспитательных стратегий. Как показало исследование, проведенное Институтом социологии РАН в 2007 г., в оценках представителей двух поколений (старшего и младшего) наблюдаются значимые различия. Причем представители молодежных групп в большей степени ориентированы на воспитание «рыночных» качеств в своих детях. Так, существенно чаще молодые россияне отмечают необходимость воспитания в своих детях таких качеств, как формирование целеустремленности, деловых качеств, «хватки» (35% против 29% среди старшего поколения), а также обеспечение достойного круга общения, знакомств (12% против 4% среди представителей старшего поколения).

Все это говорит о смене ценностных моделей в сторону индивидуализации. Данные свидетельствуют об изменении воспитательной стратегии поколений в сторону качеств, обеспечивающих личный успех и независимость. В воспитательных стратегиях наблюдается движение в сторону тех ценностей, которые приветствуется обществом. Однако семьи с несколькими детьми, ориентации на брак и тесные взаимоотношения с родительской семьей в этом перечне нет. Тем самым трансформация института семьи, обусловленная сменой ценностных ориентаций в сторону достижения личного успеха, измеряемого экономическими ценностями, приводит к формированию соответствующей системы ценностей у молодого поколения.

Список цитированных источников

1. Вовк, Е. Незарегистрированные интимные союзы: "разновидности" брака или "альтернативы" ему? (Ч. 1) // Социальная реальность. – 2005. – № 1. (<http://bd.fom.ru/report/cat/az/levovk/gur050103>).
2. Сайт Европейского социального исследования: <http://www.ess-ru.ru/>
3. Архангельский, В.Н. Демографическое поведение и его детерминация / В.Н. Архангельский, В.В. Елизаров, Н.В. Зверева, Л.Ю. Иванова. – М.: Теис, 2005.
4. Соколов, А.В. Ценностные ориентации постсоветского гуманитарного студенчества / А.В. Соколов, И.О. Щербакова // Социол. исследования. – 2003. – № 1.
5. Антонов, А.И. Второй ребенок / А.И. Антонов, В.М. Медков. – М.: Мысль, 1987.
6. Дарский, Л.Е. Изучение плодовитости браков. – В кн.: Вопросы демографии. – М.: Статистика, 1970.
7. Антонов, А.И. Эволюция норм детности и типов демографического поведения // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. – М.: Мысль, 1986.
8. Надирашвили, Ш.А. Понятие установки в общей и социальной психологии. – Тбилиси, 1974.
9. Архангельский, В.Н. Репродуктивное поведение и ценностные ориентации городского и сельского населения // Городская и сельская семья. – М., 1987.
10. Борисов, В.А. Демографическая дезорганизация России. 1897-2007. Избранные демографические труды. – М.: NOTA BENE, 2007.
11. Илюшина, Л.А. Семья и школа: культура диалога // Семья, семейные ценности и вопросы воспитания / под ред. Т.Ф. Акчурина. – М.: Федеральный институт развития образования, 2008.
12. Янкова, З.А. Городская семья. – М., 1979.
13. Социальный потенциал семьи. – М. 1988.
14. Фонд "Общественное мнение". <http://www.fom.ru>

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Лапина И.А.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

Социальная стабильность и порядок во многом зависят от условий совместного существования таких институтов, как государство и право. Социальные институты права и государства являются по своей сути политическими образованиями, выступая, с одной стороны, как инструмент политики, а, с другой, – как ее закономерный результат. При этом судить об эффективности такого взаимодействия можно по уровню правовой и политической культуры общества, а также степени гарантированной социальной безопасности каждого его члена. Основными гарантиями здесь выступают соблюдение установленных норм и правил (законов), наличие санкций за их нарушение. Государство контролирует эти процессы с помощью специальных посредников – служащих, предоставляя им для этого специфические правовые инструменты. Именно фундаментальная потребность в правопорядке и легла в основу формирования института государственной службы. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость появления связующего элемента – государственного управления.

Процесс управления – сложный и многофакторный, особенно в социальной сфере, где большое количество очень разных социальных субъектов вынужденно вступают в различного рода коммуникацию. «Управлять» подразумевает «править, давая ход, направление; быть хозяином, распорядителем чего-то» [1, с. 124]. Упорядоченность этих процессов в принципе невозможна без участия специальных субъектов, транслирующих волю государства посредством правовых установлений. В современной мировой практике таких субъектов принято относить к категории государственных служащих.

История формирования социально-правового института государственной службы насчитывает несколько столетий. Вначале нахождение на такой службе подразумевало отношения "вассальства" и полной зависимости от "хозяина", позднее – стало свя-